

Недавно прошел дождь, и нежная майская густая листва поблескивала на ярком солнечном свете до рези в глазах. Марк задрал голову и посмотрел на небо. Чистое, голубое, бесконечное и никогда не предают. Так подумал он о небе, словно это было нечто одушевленное, способное мыслить. Небо было искреннее, оно источало сочный голубовато-синий цвет, и, глядя на него, казалось, что и все остальное, что находилось, жило и росло под ним, должно было быть таким же естественным, натуральным, мирным.

На нежной, мягкой траве лежал труп молодой женщины. Белое тело на зеленой траве казалось анахронизмом. Если бы девушка нежилась на травке под солнышком, оно выглядело бы иначе. Спутанные каштановые кудри закрывали половину лица. Зато вторая половина была отлично видна: полузакрытый глаз, высунутый язык, засохшая розоватая пена на подбородке. Судя по всему, девушку удушили несколько часов назад. Привезли сюда, за го-

род, и бросили труп на съедение диким животным (если таковые здесь, конечно, имеются) и червям. А девушка красивая, как и многие другие девушки, делами об убийстве которых Марку пришлось заниматься. Возможно, еще вчера она смеялась, шутила, и глаза ее счастливо блестели, когда она позволяла себя целовать, а сейчас ее окоченевшее тело наводит на мысль о том, как же все-таки хрупка человеческая жизнь и как же бессмысленно было все то чудесное, что ее наполняло. Зло взяло верх, и роскошное молодое тело теперь было отдано на растерзание тлену.

Марк отвернулся.

В такие минуты, когда ему приходилось видеть убитых женщин, он всегда с ужасом думал о том, что у него есть жена Рита и маленькая дочка Фабиола. И тогда ему казалось, что мир как бы разделен на две части: одна — там, где живут нормальные, здоровые люди, и этот мир залит солнечным светом или вечерним светом лампы над обеденным столом, за которым собирается семья, и в ней царят любовь и взаимопонимание; и вторая — там, где непостижимым образом уживаются друг с другом психически больные люди, убийцы, насильники, воры, подонки. Так вот, его работа была связана как раз со вторым миром, и его задачей было вычислить их, выловить и упрятать за решетку, не дать им и дальше убивать, грабить,

насиловать. «Только, чтобы эти два мира не смешались», — прошептал он, как заклинание.

— Она была изнасилована? — спросил Марк у эксперта.

— Точно сказать не могу, экспертиза покажет, — уклончиво ответил Боря Анджан. — Возможно, что и была, но пока что внешних следов насилия я не обнаружил. Тело чистое, без ссадин и кровоподтеков или каких-либо других характерных следов. Но девушек, как ты и сам понимаешь, не всегда насилюют перед тем, как убить, иногда девушки любят своих будущих убийц и отдаются им по доброй воле. Был ли совершен половой акт? Об этом, Марк Александрович, я скажу тебе после более тщательного осмотра и анализов. Одно могу сказать определенно: ее удушили. Вот этим чулком. — Борис подцепил пинцетом тонкий прозрачный чулок телесного цвета и сунул его в пакет. — Хотя это вовсе и не чулок в обычном понимании. Смотри, видишь, отрезано? Это часть колготок. То есть кто-то взял и отрезал одну «ногу» от колготок, превратив его в чулок.

— Какой экономный убийца. — Марк пожал плечами. Нет, он никогда не привыкнет к тому, что убивают красивых молодых девушек. Они должны жить, радовать мужчин своей красотой, рожать детей. — Потом окажется,

что она была беременна, и женатый любовник избавился от нее.

— Как в «Американской трагедии», — вздохнул Борис. — А что, Марк, может, ты и прав. Сколько таких случаев уже было?

— Женщин редко убивают из-за денег.

Марку вдруг захотелось домой, к Рите, захотелось обнять ее, прижаться к ней, чтобы почувствовать тепло ее тела, услышать ее дыхание.

— Ты только Рите ничего не говори, — вдруг услышал он над самым ухом голос своего помощника Левы Локоткова. — Она страсть как любит истории об убийствах красивых девушек. Снова станет приставать, пожелает помочь тебе, поучаствовать.

— Ты прав. Но она все равно узнает.

— От кого?

— Я ей расскажу!

Марк достал сигарету, закурил.

— И как же мы теперь будем выяснять личность убитой? Хоть бы паспорт оставили на месте преступления, — заворчал Локотков, кружась вокруг трупа. — А так — ни зацепки, ничего. Даже нижнего белья нет.

— Можно подумать, нижнее белье подсказало бы тебе фамилию девушки, — покачал головой Марк.

— Нижнего белья нет по двум причинам, — подал голос Борис Анджан.

— Интересно, — усмехнулся Марк. — Как у тебя все просто и всегда разложено по полочкам.

— Причина первая: она разделась сама. — Борис поднял указательный палец правой руки. — Причина вторая: ее раздел кто-то другой.

— Гениально, — Марк похлопал эксперта по плечу. — С такими глубоко идущими выводами мы быстро продвинемся в нашем расследовании. Я, кстати, могу добавить, что девушка могла раздеться сама, и тоже по нескольким причинам: либо она спала голышом, либо ложилась в постель с мужчиной, где одежда тоже вроде бы ни к чему.

— Либо она пошла мыться! — добавил Лева.

Между тем фотограф, молчаливый человек с вытянутым скучным лицом, сделал нужное количество снимков и отправился к машине. По дороге он долго и нудно ворчал, но Марк не разобрал ни единого слова.

— Он голодный, — пояснил Борис. — От него жена ушла.

— А он что, женой питался? — хохотнул Лева, и Марк подумал, что Локоткова уже не переделаешь, цинизма ему не занимать. Да и дурасти тоже.

— Лева, узнай, не пропадали ли в нашем городе молодые женщины в возрасте приблизительно 24—26 лет.

— Думаю, ты прав, ей действительно при-

мерно столько лет, но если бы она могла тебя слышать, — спокойно развивал, скорее машинально, чем осознанно, свою мысль эксперт Анджан, — то наверняка обиделась бы. Она прекрасно выглядела на свои возможные двадцать пять. Жаль, что тот скот, убивший девушку, не оценил ее.

— Думаешь, это мужчина?

— Горло сдавлено так, что еще немного, и ей сломали бы позвонки. Смотри, какая глубокая трансгуляционная борозда.

— На ней нет украшений, вы заметили? Ни колец, ни браслетов. Если бы ее убил любовник, вряд ли он стал бы опускаться до такого — связываться с ее вещами, украшениями. К тому же это опасно, — размышлял Марк. — Девушка холеная, ухоженная, я бы даже сказал. Смотри, свежий маникюр. Да и волосы она явно укладывала в парикмахерской. От них до сих пор пахнет лаком или духами.

— Между прочим, на губах помада, — заметил Локотков. — А знаете, о чем это говорит?

— О чем?

— О том, что она перед смертью ни с кем не целовалась, то есть не занималась любовью, не ела, не пила.

— Она могла провести несколько часов в постели с любовником, оттянуться по полной программе, а потом наесться до отвала в ка-

ком-нибудь ресторане, — отмахнулся от Левы Анджан. — И уже потом накрасить губы.

— Вот именно, — поддержал его Марк. — Боря, ты посмотри только, сколько травы в этой лесополосе. И ни одного следа от протекторов.

— Тело могли достать из машины и принести сюда. Думаю, скорее всего, так и сделали. До трассы не очень далеко, но на машине добираться сюда сложно, да и опасно. Смотри, какие скрытые травой ямы. Говорю же, это мужчина. Что стоило ему принести ее сюда и спрятать в кустах?

— А что говорит парень, который обнаружил труп? Кто он?

— Местный житель. Смотри, видишь, рядом со смородинными кустами тянется ржавый кабель. Он честно сказал, что пришел за металлом. Здесь многие этим живут.

— Да уж. Думаю, этот парень не только за ржавым кабелем охотится. Уверен, он тащит в пункт приема металла все, что увидит, вплоть до могильных крестов и табличек. Гнусные людишки!

У Марка в кармане ожил телефон. Это была Рита. Голос ее был взволнованным.

— Марк, мне надо срочно с тобой поговорить.

— Что случилось?

— Пока еще ничего, но, если не хочешь меня потерять, приезжай как можно скорее!

— Рита, не пугай меня!

— Э-эх, Марк! — И она отключила телефон.

Марк пожал плечами. Он ничего не понял.

2

Она так много слышала о ревнивых женах и мужьях, о том, что чувство это разрушительно и что ревновать мужа унизительно, наконец, но все равно ревновала, переживала и не находила себе места. Если прежде Рита ревновала Марка ко всем тем женщинам, с которыми ему приходилось встречаться по работе, и большинство из них она не видела, то сейчас ее ревность была направлена на конкретную женщину, причем вполне достойную Марка, да к тому же еще и красивую. Елена Корсакова — элегантная высокая шатенка с огромными карими глазами. Однокурсница Марка, умна, интеллигентна. В придачу ко всему — судья! А у Риты к судьям было свое, особое отношение. Она считала, что право судить людей дано лишь избранным, способным безошибочно определить, кто прав, а кто виноват, наделенным природной мудростью. И вот эта дама, роскошно одетая, стала появляться у них дома почти каждый день. Поводом для первого ви-

зита стал ее интерес к картинам Риты. Рассказывая по мастерской, она, как показалось вначале Рите, искренне восхищалась ее работами, выразила желание даже купить два натюрморта (стакан с дикими незабудками и расписанное восточным орнаментом блюдо с разложенными на нем розово-желтыми, в каплях сока, кусками дыни). Но потом мастерская стала интересовать ее уже в меньшей степени — Марк заперся со своей однокурсницей в кабинете, и они подолгу о чем-то говорили. Позже выяснилось, что Елену бросил муж. Он ушел неожиданно для нее, заявив, что любит другую женщину. Елена, многого добившаяся в жизни, вдруг поняла, что она нелюбима, брошена и что ее муж, которого она, быть может, и сама не любила, но к которому привыкла и воспринимала его как часть самой себя, последние три года вел двойную жизнь и у него была, по сути, вторая жена, да еще и маленький ребенок. Их же общая дочь, совершеннолетняя Инна, восприняла развод родителей нервно, стала время от времени уходить из дома, завела себе, как собачку, какого-то там парня, они вместе сняли квартиру, и в результате отношения между матерью и дочерью окончательно испортились. Все это Марк рассказывал Рите по мере того, как узнавал подробности от Корсаковой. Конечно, с одной стороны, чисто по-женски, Лене было жаль, но

почему она приходила плакаться к женатому Марку? Что их связывало? Конечно, у Марка до встречи с Ритой могли быть какие-то увлечения и, возможно, с Леной Корсаковой их связывали определенные отношения, но сейчас-то Марк был женат, у него были Рита и маленькая Фабиола! Как могла эта Корсакова так вот запросто врваться в их жизнь и отнимать у и без того занятого Марка столько времени и душевных сил? Это какой же эгоисткой надо быть, чтобы пользоваться его добротой и отнимать его у семьи? Что она себе вообще вообразила? Уж не думает ли она, что Марк так и будет постоянно принимать ее у них в доме и все силы души бросать на то, чтобы успокоить ее — брошенную, покинутую, несчастную?

К тому же Рита, хорошо понимающая женскую натуру, не могла не замечать некоторой степени как бы случайной распушенности и беспорядка в одежде Корсаковой. То у нее пуговица расстегнется на блузке, и взгляду окружающих откроется белоснежная полная грудь (пара миллиметров до соска), то юбка задерется так, что станет видна кружевная кайма чулка. И все это смотрится настолько эротично и так привлекает к себе внимание, что Рита в последний раз едва сдержалась, чтобы не поправить съехавшую с плеча густую кружевную оборку роскошной блузочки брошенной су-

дьи. Нет, она положительно не походила на судью! Скорее на шлюху по призванию. Вот только Марк и слышать ничего не хотел о том, чтобы отказать Корсаковой в гостеприимстве. «Рита, как ты можешь так отзываться о человеке, которого совершенно не знаешь? Пойми ты, ей сейчас очень плохо и нужна поддержка. Если она окончательно раскиснет, то не сможет работать, понимаешь? Она должна быть адекватна, чтобы заниматься судьбами и проблемами других людей. К тому же быть судьей опасно. Я с самого начала предупреждал ее, что если она хочет быть честным судьей и не брать взяток, то ей придется отстаивать свою позицию не только в суде, но и в жизни. Ей постоянно звонят с угрозами, обещают расправиться и так далее. И она, представь себе, не носит оружия, отказывается от охраны. А тут еще муж бросил! Ладно, муж. Инна, ее дочка, совсем от рук отбилась. Связалась с каким-то проходимцем. Не хватало еще, чтобы она принесла в подоле!»

С каждым произнесенным им словом Рите все больше начинало казаться, что Марк воспринимает Корсакову как близкого и родного человека. Может, он еще и поселит ее у них?

«Посоветуй ей поменять работу. Пусть учится на нотариуса или устроится в адвокатуру». — Рита сказала это зло, чуть не плача. А потом вдруг подумала, что пусть и Марк убирается